

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. И. Колганов¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

В. М. Кульков²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

К. А. Хубиев³

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Н. И. Титова⁴

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.111.2

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД

В статье предлагается системная характеристика российской экономики, с тем, чтобы перейти от односторонних ее определений к всесторонней оценке. Эта оценка необходима для определения как оснований нынешнего состояния российской экономики, так и перспектив ее развития. Такая характеристика призвана отразить уровень развития российской экономической системы, ее место в системе мирового хозяйства и ее национальную специфику. С этой целью в статье рассматривается комплекс признаков, характеризующих внутреннее строение российской экономической системы: состояние рынка, система воспроизводства, структура экономики, основные социально-экономические институты и т.д., с учетом того исторического движения, которое привело к формированию нынешнего положения вещей. С этих позиций российская экономика предстает как своеобразный вариант смешанной экономики со значительной долей государственного участия и структурой частной собственности, образовавшейся в значительной степени в результате ее неэкономического передела. В такой экономике не сложились экономические, институциональные и социальные условия, обеспечивающие эффективные внутренние источники экономи-

¹ Колганов Андрей Иванович — д.э.н., профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: onaglo@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2223-7538.

² Кульков Виктор Михайлович — д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: profvnmk@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3554-6869.

³ Хубиев Кайсын Азретович — д.э.н., профессор кафедры политической экономии, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: khubiev48@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7285-1136.

⁴ Титова Нина Ивановна — к.э.н., доцент кафедры политической экономии, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: nititova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6769-0208.

ческого развития. Национально-культурная специфика российской экономики определяется на основе многообразных факторов, начиная от природно-климатических, пространственных и вплоть до социально-психологических, сформировавшихся, в том числе, под влиянием особенностей исторической эволюции общественных отношений. Наконец, рассматривается место российской экономики в системе мирового хозяйства, определяемое в первую очередь качествами и уровнем развития ее экономической системы. Делается вывод, что российская экономическая система отвечает признакам экономик полупериферийного типа. Такая характеристика российской экономической системы не закрывает перспективу модернизации российской экономики, однако делает ее возможной только при условии качественного изменения сложившейся экономической модели.

Ключевые слова: российская экономика, система, смешанная экономика, развитие, модернизация, полупериферия.

Цитировать статью: Колганов, А. И., Кульков, В. М., Хубиев, К. А., & Титова, Н. И. (2022). Российская экономика: системный взгляд. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (3), 3–21. <https://doi.org/10.38050/01300105202231>.

A. I. Kolganov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

V. M. Kulkov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

K. A. Khubiev

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

N. I. Titova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: A.1

RUSSIAN ECONOMY: A SYSTEMATIC VIEW

The article proposes a systematic description of Russian economy, in order to move from its unilateral definitions to its comprehensive assessment. This assessment is necessary to determine both the foundations of the current state of Russian economy and the prospects for its development. This characteristic is intended to reflect the level of development of the Russian economic system, its place in the system of world economy and its national peculiarities. The article deals with a set of features reflecting the internal structure of the Russian economic system: market situation, the system of reproduction, economy structure, the main socio-economic institutions etc., taking into account the historical development that led to the formation of the current state of affairs. Within the framework of this point of view, Russian economy appears to be a peculiar version of a mixed economy with a significant share of state participation and the structure of private property, formed largely as a result of its non-economic redistribution. In such an economy there are no economic, institutional and social conditions that provide effective domestic sources of economic development. The national and cultural peculiarities of the Russian economy are determined on the basis of a variety of factors, ranging from natural-climatic, spatial, and up to socio-psychological formed, among

other things, due to the influence of peculiar features of social relations' historical evolution. Finally, the Russian economy place in the system of global economy is considered. It is defined primarily on the basis of qualities and level of Russian economic system development. The conclusion is made that Russian economic system meets the characteristics of semi-peripheral economies. Such a characteristic of Russian economic system does not exclude the capability of its modernization, but makes it possible only in case of qualitative changes in the existing economic model.

Keywords: Russian economy, system, mixed economy, development, modernization, semi-periphery.

To cite this document: Kolganov, A. I., Kulkov, V. M., Khubiev, K. A., & Titova, N. I. (2022). Russian economy: a systematic view. *Moscow University Economic Bulletin*, (3), 3–21. <https://doi.org/10.38050/01300105202231>.

Введение

Для характеристики российской экономики насущно необходим именно системный подход. Давно и неоднократно предпринимавшиеся попытки определить ее специфику по отдельным, пусть и существенным, признакам — независимо от того, насколько точно выделены эти признаки — не могут обеспечить научно адекватное целостное видение российской экономики.

Определить специфику российской экономической системы, значит, во-первых, определить ее исторически, во-вторых, показать ее национально-специфический характер, и в-третьих, определить ее место в мировой экономике. Но это будет только первым шагом к ее определению, потому что на этой основе необходимо будет далее выделить институционально-экономический, макроэкономический и другие уровни и элементы характеризуемой экономической системы и показать характер взаимосвязи и взаимозависимости этих уровней и элементов.

Особенности экономической системы России (основная часть)

Исторически российская экономика определяется как основанная на капиталистическом способе производства (на его монополистической стадии) и, соответственно, как экономика с товарным производством (производящая продукты как товары для реализации на рынке), или рыночная экономика, что есть лишь поверхностная форма определения ее как товарной.

Внутренняя структура системы экономических отношений российской модели капитализма обладает свойствами многослойности, что определяет смешанный характер этой экономической модели, причем более сложный по структуре, чем у стран, обычно относимым к смешанным эконо-

микам. И здесь можно выделить два важных пункта: во-первых, сложную (смешанную) форму исходного уровня системы, т. е. характеристики товарного (рыночного) хозяйства, которые на уровне явления находят отражение в механизмах ценообразования. На практике сосуществуют четыре типа ценообразования: от чисто нормативных (регулируемые государством тарифы) до чисто рыночных (розничная торговля, сфера услуг) и два промежуточных.

1. Установленные государством цены на социально значимые товары (некоторые лекарства, госуслуги и др.), на продукцию ВПК, космоса. По сути, это директивное ценообразование.

2. На другом полюсе чисто рыночное, конкурентное ценообразование (розничная торговля, гостиничные услуги, питание и др.).

3. Монопольное ценообразование. Оно имеет несколько типов, но собственно монопольным ценообразованием мы будем считать то, что связано с монополией, которая вырастет из конкуренции по эндогенным законам рынка. Этот тип ценообразования достаточно распространен. Поэтому создана специальная структура исполнительной власти с отделениями в регионах РФ, разработана нормативная база для борьбы с доминированием на рынке. Специфика России в том, что в рамках системной коррупции этот орган может как бороться с монополией, так и наделять ею. Бизнес считает фактором конкурентного преимущества получение монопольных привилегий. Ограничением для бизнеса является соотношение затрат на получение привилегий и результатов от их получения. По социально-экономической сути через монопольное ценообразование происходят неэквивалентный обмен и безвозмездное присвоение, которое особенно проявляется в ценовой дискриминации. Неэквивалентный обмен и безвозмездное присвоение происходят не только по отношению к наемному труду, но и в отношении капитала из немонополизированного сектора экономики.

4. Ценообразование в рамках естественных монополий. Это другой тип монополии. Его происхождение носит экзогенный характер. Он, в отличие от предыдущей монополии, не вырастает из конкуренции, поскольку образуется в секторах экономики, где конкуренция по определению нецелесообразна, а попытки создать конкурентную среду либо технически невозможны, либо расходы не окупаемы в системе рыночной экономики. В ценообразовании участие принимает государство, но с учетом интересов компаний. Ограничениями выступают окупаемость и доходность от продукции и услуг естественных монополий. Интересы потребителей представляются государством. Основными ограничениями в тарифном ценообразовании являются: доступность цен, с одной стороны, окупаемость и доходность, — с другой. В уровне доходности (прибыльности) ограничением выступает источник инвестиций. Для соблюдения баланса интересов государство прибегает к субсидированию социально значимых услуг.

Кроме того, российской экономике свойственна смешанная структура собственности: от индивидуальной частной до государственной (между которыми располагаются корпоративная, коллективная и другие формы собственности).

В российской экономике основная форма собственности (корпоративная) по генезису чужда капитализму, поскольку основана не на выработке инвестиционных проектов, мобилизации ресурсов и предпринимательской энергии для их реализации, а на наделенной собственности, которая по определению не может быть эффективной. Нашим союзником оказался Р. Талер, который с позиций поведенческой экономики доказал неэффективность наделенной собственности (Белянин, 2018; Талер, 2017). Это один из самых коренных пороков российского капитализма.

Хотя в экономической системе, как общее правило, система производственных отношений определяет структуру отношений собственности, их взаимоотношение в российской экономике не столь однозначно. Российская экономическая модель исторически формировалась путем внеэкономического вмешательства в отношения собственности (массовая приватизация государственных активов, дополненная криминальным переделом собственности), что наложило серьезный отпечаток на характер формирующихся экономических отношений. При этом, разумеется, структура собственности формировалась не совершенно произвольным образом, а в конечном счете подстраивалась под имевшиеся налицо экономические предпосылки (уровень концентрации производства, система разделения труда, зависимость централизации капитала от эффективных размеров компаний и т.д.).

Эта сложность или смешанность на уровне исходного и основного уровней пронизывает всю систему и играет существенную роль в формировании специфики российской модели.

Одной из важнейших характеристик экономики является ее национальная составляющая. Собственно, в таком случае она выступает не просто как совокупность социально-экономических отношений, отражающая действие универсальных характеристик (процессов, трендов) с поправкой на их состояние (уровень развития) и на наличие в них деформаций. Она предстает как *национальная экономическая система*, в которой экономические отношения берутся во взаимосвязи со всей совокупностью характерных для страны национально специфических факторов (условий) и жизненно необходимых целей и интересов, оказывающих воздействие на функционирование и развитие экономики страны и обеспечивающих целостную, продуктивную и безопасную жизнедеятельность на ее территории. К национально особым *факторам* неэкономического характера можно отнести природно-климатический, пространственный (географический, территориальный), геополитический, социокультурный и другие факторы, многообразие и глубина которых применительно к России

общеизвестны. Жизненно необходимыми для нашей страны *целями* являются экономический суверенитет, национальная конкурентоспособность производства, «сбережение и приумножение народа», обеспечение единого экономического пространства и территориальной целостности страны, поддержание национальной экономической безопасности. Указанные цели носят не субъективный, а объективный (другими словами, позитивный, а не нормативный) характер, обеспечивая жизнестойкость страны и ее национального хозяйства.

Что касается национальных неэкономических факторов, то их «неэкономический» характер не означает их отрыва от экономики. Ведь эта связь может выражаться, во-первых, в их проникновении в собственно экономические факторы (например, через воздействие социокультурного элемента на качество и креативность рабочей силы, а через это — и на экономическую деятельность в целом), а, во-вторых, через свое самостоятельное влияние на экономику наряду со стандартными факторами (например, через влияние климата, благоприятного пространственного положения, моральных ценностей и стимулов и т.п.). Особая роль принадлежит социокультурному фактору, поскольку он, помимо прочего, выступает в качестве важнейшего способа цивилизационной самоидентификации страны.

Многие национально специфические факторы, свойственные России, имеют уникальный характер. Оценим ближайшие экономические следствия их реализации:

- природно-климатический фактор: Россия — «кладезь» природных ресурсов, что, с одной стороны, формирует полную сырьевую обеспеченность и укрепляет самодостаточность и суверенитет страны, а с другой — порождает опасность ее превращения в сырьевой придаток других стран; наличие суровых условий на большей части территории приводит к высокой энергоемкости и повышению издержек производства;
- пространственный (географический) фактор: с одной стороны, имеющиеся возможности использования масштабного транспортного потенциала страны, с другой стороны — континентальность большей части территории и уникальные расстояния ведут к росту транспортных расходов, порождают риски разрыва экономического пространства страны и ее территориальной целостности;
- геополитический фактор: проявляется в том, что наиболее длинные сухопутные границы в мире, уязвимый характер территории страны, наличие реальных угроз в единстве с исторически сложившимся статусом России в мире формируют особо острое восприятие проблем безопасности, порождают высокие затраты на содержание армии и оборонно-промышленного комплекса;
- социокультурный фактор (этнический, религиозный, этический, «ментальный» и т.п., система ценностей в целом). К традицион-

ным ценностям российской цивилизации принято относить коллективизм, острое восприятие социальной несправедливости, надежду на защиту со стороны государства, важную роль моральных, духовных мотиваций и др., что обуславливает более глубокую коррекцию известного либерального представления о рациональном поведении «экономического человека».

Таким образом, указанные факторы могут вызывать разные экономические следствия. Но особо следует выделить влияние, оказываемое ими на способы хозяйственной координации и способы социального присвоения, имеющие системообразующее значение. Оно выражается в необходимости масштабных перераспределительных процессов, в более активном участии государства в российской экономике, в сильной социальной ориентации, в большем внимании к формированию коллективных форм собственности и хозяйствования. Все это усиливает смешанный характер национальной экономики, показывая, что смешанность порождается не только универсальными общемировыми процессами, но и уникальным разнообразием условий в стране, а также спецификой трансформационных процессов, которые в совокупности предопределяют особый «национальный коэффициент смешения» — прежде всего касающийся системообразующих способов координации и присвоения.

Конечно, и указанная совокупность факторов и целей, и их следствия, и в целом связанная с ними национальная специфика меняются под воздействием разного рода процессов (технологических, общественно-политических, коммуникационных и др.). При этом реальная российская действительность показывает, что негативные последствия больше связаны не столько с преувеличением роли национально специфических факторов и целей национального развития России, сколько с ее недооценкой (об этом говорят и печальный опыт 1990-х гг., и сумбур в целеполагании, содержащийся в документах стратегического характера, и перманентный крен в сторону «академических» рецептов макроэкономической политики, и многое другое). Следует учесть и то, что для современных условий характерны процессы, выражаемые в кризисе сложившейся модели глобализации или, более того, в «деглобализации» (Сапир, 2020, 27), в обострении противоречий между национальным и глобальным, в большем акценте на национальных интересах, которые демонстрируют усиление внимания к роли национальных государств и в целом к страновой специфике. Несмотря на длительный период господства неолиберальной идеологии и политики, экономическая роль национальных государств вовсе не сошла с арены даже в самых «либеральных» странах (Desai, 2013, 275).

Надо принимать во внимание и то геополитическое давление на Россию в форме разного рода санкций и ограничений, которое проявляется во все большей степени. Это заставляет придавать большее значение национальным условиям хозяйственной деятельности, особенностям на-

ционального воспроизводства, экономической безопасности страны, направлениям укрепления самодостаточности отечественной экономики. В таких условиях вопрос о формировании адекватной указанным характеристикам экономической системы все более становится для России вопросом самовывживания.

Возвращаясь к последствиям и формам проявления национальной специфики, сделаем акцент на следующих характеристиках российской экономической системы.

Во-первых, это *национальное наследие*, которое, несмотря на все слабости современной российской экономики, не позволяет определять ее как периферийную (об этом речь уже шла выше). Это выражается в полной сырьевой самообеспеченности страны и наличии базового контроля над природно-сырьевыми ресурсами, сохранении значимых очагов высокотехнологических производств, науки и образования, поддержания сравнительно высокого уровня человеческого потенциала и др. Другое дело — проблемы обеспечения системного технологического рывка, подъема базовых отраслей (прежде всего, машиностроительного комплекса), «новой экономики» и т.п.

Во-вторых, «*державность*», имея в виду обеспечение военно-политического суверенитета, роли одного из альтернативных геополитических центров, способности принимать самостоятельные решения по ключевым проблемам развития страны. Другое дело — поддержание реального экономического суверенитета России, преодоление уязвимости перед внешними «шоками», недопущение скатывания в русло «энергетической империи» и других подобного рода «ловушек» и опасностей.

В-третьих, *государственность*, выражающаяся в сильной роли государства в экономике, в социальной жизни, в системе ценностей. Она подпитывается не только национальным наследием, но и потребностями целеполагательного и затратного осуществления модернизации отечественной экономики, на которую, как показал совсем недавний опыт, не способен частный бизнес, а также современными мировыми вызовами, усилившими значимость национального государства. Важно понимать, что государство в России традиционно играло не только политическую и экономическую, но и цивилизационную роль. Российская национальная почва, в отличие от западной, не источает из себя либеральную среду при всем признании важной роли рыночно-конкурентных механизмов. Она требует большего целеполагания и регулирования в системе координации экономической деятельности. Можно сказать, что Россия в силу своей специфики сама является «провалом рынка» (помимо известных форм этого «провала»). Другое дело — опасность чрезмерного огосударствления экономической жизни, бюрократизации управленческих решений, сращивания с олигархией, подавления малого бизнеса, создания высоких хозяйственных барьеров, неразвитость институтов гражданского общества.

В-четвертых, *национальная безопасность*, выражающаяся в широком смысле в обеспечении условий для нормальной жизнедеятельности страны, общества и личности, в высокой степени их защищенности. Экономическая политика государства, соотношение федеральных и региональных полномочий и финансовых средств, определение степени открытости экономики, проведение приватизации государственной собственности, демонополизации и другие важные вопросы должны сопрягаться с требованиями национальной безопасности. Другое дело — опасность разного рода ограничений, прикрываемых «высокими» целями, лоббирования интересов структур, приближенных к власти, «разбазаривания» ресурсов, снижения требований к экономической эффективности и т.п.

Наконец, *нестандартные формы* стандартных характеристик («закономерностей»). Необдуманное распространение на российские внешнеэкономические связи требования «сравнительных преимуществ» приводит к закабалению российской экономики, консервированию отсталой структуры, забвению опережающего развития. Ортодоксальные монетарные методы финансовой стабилизации не достигают эффекта, уходят «в песок» из-за резкого регионального и структурного разнообразия России, требуя другой формы макроэкономической стабилизации. Настрой на демонополизацию и деконцентрацию производства в отдельных сферах российской экономики (прежде всего, это относится к транспортной инфраструктуре, электроэнергетике) способен в угоду рыночно-конкурентному механизму ослабить высококонцентрированные структуры, являющиеся «становым хребтом» национальной экономики, стягивающим огромную территорию в единое экономическое пространство, что имеет для страны государствообразующее значение. Другое дело, что эти и многие другие примеры подобного рода не должны быть поводом для непризнания и игнорирования универсальных характеристик и рецептов.

Национально-экономические формы (в российской действительности и в словопрениях) переплетаются с социально-экономическими, образуя «забавные» сочетания. Об одном из них, вброшенных в терминологию в начале нулевых годов, речь шла выше: имеется в виду «энергетическая империя» в ее либерально-державном обрамлении, хотя подлинная «имперскость» не может предполагать опоры на неустойчивый сырьевой профиль. Организаторы российской приватизации 1990-х гг. нередко вспоминают свой «патриотизм», выразившийся в передаче крупнейших компаний на залоговых аукционах представителям отечественной «семибанкирщины». В современных условиях номенклатурные кланы, активно позиционируя себя в качестве защитников национальных интересов, нередко получают особые конкурентные преимущества, укрепляют и расширяют свои позиции и влияние. При этом получая дивиденды от «правильного поведения», часто реализуют свои корыстные интересы, размещая значительную часть своих средств в зарубежных юрисдикциях,

получая сверхдоходы в форме административной или инсайдерской ренты (Dzarasov, 2014), не становясь драйвером инвестиционно-инновационного развития. Причем это относится как к крупному частному бизнесу, так и к компаниям с государственным участием, втянутым в пространство номенклатурно-олигархического капитализма.

Системный взгляд на российскую экономику предполагает и ответ на вопрос: а является ли российская экономика системой? Для такого вопроса есть основания, вытекающие из многочисленных нарушений системных взаимодействий внутри российской экономики. Это касается и системы государственного регулирования, и стратегического планирования, и национальной инновационной системы, и взаимодействия федерального и регионального экономических уровней, и межрегиональной связности экономики, да и многих других аспектов, как институционально-экономических, так и макроэкономических.

В то же время российская экономика как реально функционирующий живой экономический организм так или иначе сложилась в некоторую систему, приобрела системные свойства, без чего она не могла бы воспроизводиться как таковая. Внутри нее, так или иначе, налаживаются экономические связи, осуществляется взаимодействие хозяйствующих субъектов, устанавливается определенное сочетание формальных и неформальных институтов. Но как можно определить состояние, при котором некая целостная, определенным образом структурированная системная совокупность фиксируется только по форме, по самому факту наличия связей и взаимодействий? Ведь по результатам функционирования сложно с уверенностью утверждать, что это система, способная на развитие и даже на консервативное самовоспроизводство. Российской экономике оказываются присущи регрессивные, деконструктивные черты, ставящие под вопрос ее перспективы.

В современной России сформировалась весьма своеобразная система (ее можно, пожалуй, назвать квазисистемой), которая имеет своей доминантой нацеленность не столько на подлинное развитие, сколько на обеспечение определенным образом реализуемой стабильности (институциональной, социально-экономической, политической и пр.).

Эта стабильность во многом обеспечивается прочными позициями номенклатуры, ее сращиванием с бизнесом, наличием мощного и постоянного источника доходов в виде природной ренты и ее перераспределения, венчаясь адекватной экономической политикой, нацеленной на обеспечение макростабилизации, причем в ее преимущественно финансовых параметрах. В таком виде сформировавшаяся стабильность пронизывает все уровни экономической системы России: способы хозяйственной координации и социально-экономического присвоения, воспроизводственный механизм, а также сферу макроэкономической политики государства. Последняя, несмотря на ее, казалось бы, производный от базовых уровней

характер, настойчиво реализуясь на протяжении длительного периода, влияет на процессы системообразования в экономике и закрепляет сложившееся положение. Функционирующая таким образом национальная экономика обладает формальными признаками системности, но способна обеспечить свою живучесть лишь в определенное время и в определенных условиях. Ее пределы во многом формируются внешней востребованностью российских природных ресурсов и ценами на них, консервацией структуры производства, неспособностью осуществления глубокой модернизации и расширения ее социальной базы. Она не способна преодолеть хронический застой, обеспечить глубокий прорыв в экономике, повышение национальной конкурентоспособности — иначе говоря, не отнесится позитивно к развитию страны.

В начале 2000-х гг. в научный оборот вошел термин «стационарная переходная экономика» (Капелюшников, 2001), отразивший господство неформальных институтов в социально-экономической жизни России и опасность его консервации. Многие реалии того и предшествовавшего времени канули в лету. Но ряд черт сохранился, появились и новые наслоения, которые дают основание определить сложившееся в России состояние как «стационарную застойную экономику» — экономику полупериферийного капитализма с доминированием структурных элементов, не способных обеспечить подлинное социально-экономическое и технологическое развитие страны и ее прогрессивные перспективы.

Современный российский капитализм с точки зрения своего исторического происхождения имеет, несомненно, объективные внутренние корни. Однако непосредственно его формирование было в большей мере индуцированным внешнеэкономически (в том числе извне), нежели опиралось на капиталистические и предкапиталистические элементы, в латентной форме имевшиеся в СССР и возникавшие в ходе кризиса советской плановой экономики. Этот факт в существенной мере определил место российского капитализма в мировой экономике.

С этой точки зрения российский капитализм может быть определен как зависимый капитализм полупериферийного типа. Многие основные черты такого типа капитализма характерны и для России. Каковы же эти черты?

1. Российская экономика находится в технологической зависимости от более развитых стран (стран Центра или «ядра» мировой капиталистической системы). Национальная инновационная система работает крайне неэффективно. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в 2017 г. составил 7,5%. Для сравнения, в странах ЕС этот показатель составил: в Бельгии — 62,1%, в Финляндии — 58,2%, в Германии — 50,0%, в Эстонии — 44,4%, в Болгарии — 19,8% (Индикаторы..., 2019, 343). Кроме того, из структуры российской экономики практически исключено производство современного техно-

логического оборудования (промышленных роботов и станков с числовым программным управлением). По станкоинструментальной продукции зависимость РФ от импорта держится на уровне 91–92% (Минпромторг РФ, 2017, 19).

2. В стране сложилась недостаточно высокая норма накопления капитала и чрезмерно высокая норма непроизводительного потребления капиталистической прибыли. Норма накопления в ВВП в России колеблется в интервале 21–24%, в то время как норма накопления в ВВП Китая стабильно превышает 40% (Замедление роста..., 2019, 4).

3. Низкая норма накопления, в свою очередь, выражается в низкой норме инвестирования и недостаточном темпе технического обновления основного капитала. Если в 1991 г. степень износа основных фондов составляла 35,4%, то 2010–2017 гг. она колебалась на уровне 47–49% (Степень износа..., 2021).

4. Значительная часть национального капитала находится вне российской юрисдикции. По международным оценкам, в иностранной юрисдикции находится 46% ВВП России. Так, под иностранным контролем находится большинство крупнейших компаний пищевой индустрии (Симчера, 2020). Из числа 500 крупнейших компаний России 183 находились в иностранной юрисдикции (Игуменов, 2015).

5. В стране поддерживается монополия на рынке труда, что ведет к хронической недооценке стоимости рабочей силы, поддерживаемой государством (установление большинства тарифных ставок в бюджетном секторе ниже прожиточного минимума), и к хроническому недоинвестированию в воспроизводство человеческого потенциала. В структуре затрат на рабочую силу в 1996–2017 гг. доля расходов на обеспечение работников жильем сократилась с 3,5 до 0,1%, профессиональное обучение — с 0,4 до 0,3%, социально-культурное обслуживание — с 3,5 до 0,3% (Савченко, Федорова, 2020, 107–108). Для сравнения, в развитых странах расходы компаний на подготовку и переподготовку кадров достигают от 5 до 10% фонда оплаты труда (Лебедева, 2010, 86). Несмотря на постоянные жалобы на нехватку квалифицированных кадров, эффективный спрос на специалистов на деле почти отсутствует (Гимпельсон, 2016).

6. Недооценка стоимости рабочей силы снижает стимулы к технологическим инновациям.

7. В течение последних 30 лет усугубилась и продолжает сохраняться преимущественно топливно-сырьевая ориентация российской экономики на мировом рынке. Доля нефтегазового сектора в ВВП страны за 2017–2020 гг. колебалась от 15 до 21% (Доля..., 2021). В то же время доля топливно-сырьевых товаров в экспорте колебалась за 2008–2018 гг. от 59,2 до 71,5% (что зависело от колебаний мировых цен на эти товары) (Товарная..., 2022). Экспортно-ориентированные отрасли, эксплуатирующие природные ресурсы, слабо связаны с остальной экономикой и их

доходы практически не используются для обеспечения прогрессивных сдвигов в развитии экономики.

8. Финансовый капитал страны развит относительно слабо и не в состоянии обеспечить должный уровень финансирования экономического развития. Это касается и ссудного капитала (банковской системы), и фиктивного капитала (фондового рынка). Доля банковского кредита в инвестициях в основной капитал колеблется на уровне 8–11% (Замедление роста..., 2019, 11), а средства, привлеченные с фондового рынка, обеспечивают финансирование менее 2% инвестиций в основной капитал (Инвестиции..., 2016, 8). Это в несколько раз меньше, чем в развитых странах.

9. Происходит массовая и систематическая утечка капитала за рубеж. По оценкам экспертов, суммарный отток капитала за последние 20 лет превысил 1 трлн долл. США (Комолов, 2018, 136). Несмотря на меры по так называемой деофшоризации, прекратить этот отток не удастся. Отток капитала за рубеж за 11 месяцев 2021 г. вырос до 73,9 млрд долл. США по сравнению с 48,9 млрд за аналогичный период 2020 г. (Оценка..., 2021).

Однако российский капитализм носит не периферийный, а именно *полупериферийный* характер. Это объясняется наличием целого ряда факторов, не свойственных периферийным экономикам. Среди них:

- наличие военно-политической самостоятельности российского государства,
- сохранение национального контроля над основными природными ресурсами,
- сохранение, пусть и в урезанном виде, ряда высокотехнологичных секторов экономики (атомная и космическая отрасли, авиастроение, биотехнологии и др.),
- частичное сохранение потенциала фундаментальных научных исследований;
- высокий уровень индекса человеческого развития;
- сохранение более развитой социальной сферы, чем в странах с аналогичным уровнем экономического развития.

Из базовых характеристик российского капитализма вытекают и другие его черты — такие как олигархический характер господства крупного капитала. Протесты предпринимателей против засилья бюрократии (что действительно мешает предпринимательской деятельности) вполне уживаются с тем, что капитал нуждается в сильной бюрократической машине для закрепления своего господства, не основанного на достаточной экономической и социальной эффективности предпринимательской деятельности. Сложился компромисс между бюрократией и олигархией, при котором олигархический капитал отказался от претензий на прямое влияние на рычаги политической власти, а бюрократия охраняет свободу олигархического капитала извлекать прибыль паразитическим путем (хищ-

ническая эксплуатация природных ресурсов, основного капитала, рабочей силы), претендуя на часть этой прибыли (административная рента).

Такие черты российского капитализма определяют характер и структуру отношений собственности, роль государства в регулировании экономики, формы организации крупного капитала, роль и место мелкого и среднего бизнеса.

Крупный корпоративный капитал у нас в значительной мере сращен с государством. Разумеется, совершенно фантастическими и не основанными на фактах являются утверждения, что государство у нас владеет 70% экономики.

Факты, отраженные в государственной статистике, говорят о другом (табл. 1).

Таблица 1

Распределение предприятий и организаций по формам собственности на конец года

	2000	2010	2017	2018	2019	2000	2010	2017	2018	2019
	Тысяч					В % к итогу				
Число предприятий и организаций — всего	3346	4823	4562	4215	3827	100	100	100	100	100
В том числе по формам собственности:										
государственная	151	119	103	99	94	4,5	2,5	2,2	2,3	2,5
муниципальная	217	246	196	190	185	6,5	5,1	4,3	4,5	4,8
частная	2510	4104	3936	3620	3261	75,0	85,1	86,3	85,9	85,2
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	223	157	141	137	134	6,7	3,3	3,1	3,3	3,5
прочие формы собственности, включая смешанную российскую, собственность государственных корпораций, иностранную, совместную российскую и иностранную	246	197	186	169	153	7,4	4,1	4,1	4,0	4,0

Источник: (Российский..., 2020, 336).

Доля государственных предприятий составляет 2,5%. Вместе с муниципальной собственностью — 7,3%. На частную собственность приходится 85,2%. Эта статистика вызывает возражения, связанные с тем, что доля по численности не учитывает размер предприятий. На этот счет имеется другой показатель — основные фонды по формам собственности, который снимает фактор размера предприятий (табл. 2).

Таблица 2

**Основные фонды по формам собственности на конец года,
по полной учетной стоимости**

Год	Млн руб.			В % к итогу		
	Все основные фонды	В том числе по формам собственности		Все основные фонды	В том числе по формам собственности	
		государственная	негосударственная		государственная	негосударственная
2000	17464172	4366043	13098729	100	25	75
2010	93185612	20500835	72684777	100	22	78
2017	194649464	42822882	151826582	100	22	78
2018	210940524	48554819	162385705	100	23	77
2019	349731105	52747222	296983883	100	15	85

Примечание: начиная с 2010 г. данные уточнены, расчеты проведены по полному кругу организаций с учетом основных фондов Банка России и основных фондов, находящихся в государственной казне.

Источник: (Российский..., 2020, 314).

Как видно, в государственной собственности находится только 15% основных фондов. Под давлением убедительной статистики сторонники гипертрофированного взгляда на роль государства в экономике переводят обсуждение данного вопроса в плоскость государственного участия в экономике. Это направление размывает границы научности обсуждения, поскольку государство, исполняя свои регулятивно-фискальные функции, участвует во всей экономике. Приемлемой позицией для дискуссии остается доля госсектора в создании ВВП. А здесь открываются любопытные моменты. Получается, что если государству с 15% основных фондов удастся произвести 70% ВВП, то на 85% фондов, принадлежащих на частную собственность, приходится только 30% ВВП. Тогда возникает вопрос: какая форма собственности наиболее эффективна? Ответ очевиден, если поверить в то, что на долю государства приходится 70% ВВП, произведенных на 15% основных фондов. Столь же очевиден и ответ на вопрос — в пользу какой формы собственности следует перераспределять основные фонды для повышения эффективности экономики (Хубиев, 2016). Данное замечание связано с тем, что интенсивная экс-

плуатация мифа о 70%-й доле государства в экономике имела конкретную направленность. Прежде всего, стремлением обосновать стагнационное состояние российской экономики и технологическое отставание избыточностью «неэффективной» госсобственности. На этой основе следовали предложения о необходимости «второй волны» приватизации. За всем этим дискуссионным шлейфом, не имеющим к науке существенного отношения, скрывается готовность и нетерпеливое желание влить «вторую волну» в формируемый класс олигархов и упрочить олигархический характер российской специфики капитализма. Нелинейность зависимости экономической эффективности от формы собственности нашла отражение в отечественной экономической литературе (Полтерович, 2012, 2013).

Влияние государства определяется не столько его участием в собственности, сколько системой «ручного управления», как на самых верхних уровнях государственной иерархии, так и на региональном и муниципальном уровнях. Речь идет скорее о систематическом произвольном вмешательстве чиновников в деятельность бизнеса, чем о регулировании бизнеса с целью реализации неких стратегических проектов развития (Шлычков, 2017).

Положение крупного капитала как «любимого» и «опекаемого» клиента бюрократии во многом определяет и приниженное положение мелкого и среднего бизнеса. Его роль не столь мала, как это иногда представляют. Однако он является объектом значительно более сильного административного, а нередко и криминального давления, нежели крупные корпоративные структуры, которым создается привилегированное положение. Это во многом подрывает возможности эффективного развития малого бизнеса.

Заключение

Может ли такая экономическая модель стать отправным пунктом для успешного экономического развития и, соответственно, отхода от модели зависимого периферийного капитализма? Исторический опыт показывает — да, может, но скорее как исключение, нежели как правило. Для этого необходима сильная и ответственная государственная власть, способная принудительно ориентировать использование ресурсов на экономическое развитие, сломав, по крайней мере, значительную часть тех трендов, которые характеризуют зависимое периферийное состояние, т.е., по существу, произведя коренную переделку исходной модели экономики.

Первым шагом к решению этой задачи должно стать открытое признание тупикового характера той экономической модели, которая сложилась в России с 90-х гг. XX в.

Список литературы

Белянин, А. В. (2018). Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года). *Вопросы экономики*, 1, 5–25.

Гимпельсон, В. (2016). Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений. *Вопросы экономики*, 10, 129–143.

Доля нефтегазового сектора в валовом внутреннем продукте Российской Федерации (2021). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dolya_NGS_v_VVP_s2017.xlsx (дата обращения: 29.12.2021).

Замедление роста инвестиций в основной капитал (2019). *Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики*. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Вып. 55. С. 11. <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/26142.pdf>

Игуменов, В. (2015). Россия или офшор: где зарегистрировано 500 крупнейших компаний страны. *РБК*. 8 октября. <https://www.rbc.ru/business/08/10/2015/561583d4a794756766bfe4f>.

Инвестиции в основной капитал и источники их финансирования (2016). *Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики*. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Вып. 17. <https://ac.gov.ru/files/publication/a/10337.pdf>.

Индикаторы инновационной деятельности: 2019 (2019). Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ.

Капелюшников, Р. (2001). Где начало того конца..? (к вопросу об окончании переходного периода в России). *Вопросы экономики*, 1, 138–156.

Комолов, О. О. (2018). Отток капитала из России в контексте мир-системного анализа. *Экономическое возрождение России*, 2 (56), 128–140.

Лебедева, Ю. В. (2010). Инвестиции в человеческий капитал и экономический рост. *Проблемы современной экономики*, 2 (34), 86–89.

Минпромторг РФ (2017). Стратегия развития станкоинструментальной промышленности до 2030 года (проект). <https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/docs/strategy/project.pdf>

Оценка ключевых агрегатов платежного баланса Российской Федерации в январе-ноябре 2021 г. Банк России. http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/bop-eval/ (дата обращения: 09.12.2021).

Полтерович, В. М. (2012). Приватизация и рациональная структура собственности. Ч. 1. Приватизация: проблемы эффективности. *Экономическая наука современной России*, 4 (59), 7–23.

Полтерович, В. М. (2013). Приватизация и рациональная структура собственности. Ч. 2. Рационализация структуры собственности. *Экономическая наука современной России*, 1 (60), 7–24.

Российский статистический ежегодник (2020). М.: Статистика.

Савченко, П. В., Федорова, М. Н. (2020). Социальные аспекты устойчивого и динамичного развития российской экономики. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 3, 99–110.

Сапир, Ж. (2020). Находимся ли мы на пороге масштабной трансформации мировой экономики? *Проблемы прогнозирования*, 6 (183), 27–45.

Симчера, В. М. (2020). Съели Россию офшорные волки. *Рамблер. Финансы*, 18 февраля. <https://finance.rambler.ru/other/43705821-seli-rossiyuofshornye-volki/>

Степень износа основных фондов 1990–2020. (2021). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/st_izn.xlsx (дата обращения: 25.11.2021).

Талер, Р. (2017). *Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать*. М.: ЭКСМО.

Товарная структура экспорта Российской Федерации (2022). Росстат. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/neW9Deg7/ts-exr.xls> (дата обращения: 18.01.2022).

Хубиев, К. А. (2016). Актуальная роль государства в экономическом развитии. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*, 8 (4), 7–23.

Шлычков, В. В. (2017). И вновь о «ручном управлении» или результативность за счет эффективности. *Вестник экономики, права и социологии*, 3, 52–58.

Desai, R. (2013). *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto Press. 275.

Dzarusov, R. (2014). *The Conundrum of Russian Capitalism: the Post-Soviet Economy in the World System*. London: Pluto Press.

References

Assessment of key aggregates of the balance of payments of the Russian Federation in January–November (2021). Bank of Russia. 09.12.2021.

Belyanin, A. V. (2018). Richard Thaler and behavioral economics: from the lab experiments to the practice of nudging (Nobel memorial prize in economic sciences 2017). *Voprosy Ekonomiki*, 1, 5–25.

Commodity structure of exports of the Russian Federation (2022). Rosstat. 18.01.2022

Degree of depreciation of fixed assets 1990–2020 (2021). Rosstat. 25.11.2021.

Gimpelson, V. (2016). Does the Russian economy need human capital? Ten doubt. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 129–143.

Igumenov, V. (2015). Russia or offshore: where 500 of the country's largest companies are registered. *RBC*, October 08. <https://www.rbc.ru/business/08/10/2015/561583d49a794756766bfe4f>

Innovation Indicators: 2019 (2019). *Statistical compendium*. М.: HSE.

Investments in fixed assets and sources of their financing (2016). *Bulletin on Current Trends in the Russian Economy. Analytical Center for the Government of the Russian Federation*, 17. <https://ac.gov.ru/files/publication/a/10337.pdf>

Kapeliushnikov, R. (2001). Where is the beginning of that end...? (to the question of the end of the transition period in Russia). *Voprosy Ekonomiki*, 1, 138–156.

Komolov, O. O. (2018). Capital outflow from Russia in the context of world-system analysis. *Economic Revival of Russia*, 2 (56), 128–140.

Lebedeva, Y. V. (2010). Investment in human capital and economic growth. *Problems of Modern Economy*, 2 (34), 86–89.

Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation (2017). *Strategy for the development of the machine-tool industry until 2030* (project).

Polterovich, V. M. (2012). Privatization and rational ownership structure. Part 1. Privatization: Problems of Efficiency. *Economic Science of Modern Russia*, 4 (59), 7–23.

Polterovich, V. M. (2013). Privatization and rational ownership structure. Part 2. Rationalization of the ownership structure. *Economic Science of Modern Russia*, 1 (60), 7–24.

Russian Statistical Yearbook (2020). М.: Statistics.

Sapir, J. (2020). Are we on the verge of a massive transformation of the global economy? *Problems of Forecasting*, 6 (183), 27–45.

Savchenko, P. V., Fedorova, M. N. (2020). Social aspects of sustainable and dynamic development of the Russian economy. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 3, 99–110.

Share of the oil and gas sector in the gross domestic product of the Russian Federation (2021). Rosstat. 29.12.2021. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dolya_NGS_v_VVP_s2017.xlsx

Simchera, V. M. (2020). Offshore wolves ate Russia. *Finanza*, Feb. 18, <https://finance.rambler.ru/other/43705821-seli-rossiyuofshornye-volki/>

Slowdown in the growth of investments in fixed assets. Bulletin on current trends in the Russian economy (2019). *Analytical Center under the Government of the Russian Federation*, 55, 11. <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/26142.pdf>

Thaler, R. (2017). *New behavioral economics. Why people violate the rules of traditional economics and how to make money on it*. M.: EKSMO.

Khubiev, K. A. (2016). The actual role of the state in economic development. *Electronic Journal of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University*, 8 (4), 7–23.

Shlychkov, V. V. (2017). And again about “manual control” or effectiveness at the expense of efficiency. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 3, 52–58.